

Телевизионный дебют

С Даниэлем Шорром связано еще одно примечательное событие: первое телевизионное интервью отца 31 мая 1957 года. Интервью западным журналистам отец давал охотно. Он считал, что так он доносит свое видение мира до их читателей, отгороженных от нас железным занавесом. Но одно дело интервью для газеты или журнала, когда интервьюеры, согласно этике политической журналистики, текст ответов передают ему на визу до опубликования, предоставляют тем самым возможность поправить огрехи. Не изменить содержание ответов, а именно исправить случайные оговорки, вроде «мы вас похороним». А тут телевидение... Записанное на пленке уже не изменишь. Но предложение телевизионного интервью отцу представлялось весьма заманчивым, оно давало возможность напрямую, без посредников, обратиться к американцам. В направленном отцу письме, Шорр объяснял, что его программу Си-би-эс «Лицом к нации» смотрит большинство жителей США. В ней с американцами уже «поговорили» почти все мировые лидеры. У отца отпали последние сомнения: «Чем я хуже других?» Он дал согласие.

Из Америки в Москву доставили почти полтонны аппаратуры. Под телевизионное действие определили зал для заседаний руководства страны, соседствовавший с кремлевским

кабинетом отца. Его стены покрывали столь любимые Сталиным темные дубовые панели. После Сталина здесь почти ничего не изменилось, только на расставленных вдоль стен столиках добавились новые сувениры, миниатюрные копии пассажирских реактивных самолетов, комбайнов, грузовиков и других изделий советских заводов. Образцы своей продукции дарили отцу главные конструкторы, директора заводов, секретари обкомов. Их достижениями отец гордился не меньше авторов новых разработок, любовно коллекционировал преподнесенные ему модели, демонстрировал их западным визитерам.

Подготовка аппаратуры тогда отнимала несколько часов. Журналистов предупредили: «не курить», кабинет отца за стеной, а он не переносит дыма. Вместе с американцами суетились и советские телевизионщики. Рядом с каждой американской телекамерой устанавливали советскую, интервью собирались показать и у нас, и одновременно отец так страховался от возможной фальсификации. Мало ли что там американцы намонтируют, а имея свою копию интервью, мы сможем прижать их к стенке.

Телевизионщики нервничали, это их первое интервью в Кремле. Нервничал в своем кабинете и отец, вышагивал по ковровой дорожке от письменного стола до двери и назад. Изредка на минуту останавливался у окна, бросал взгляд на окруженный со всех сторон зданием Совета Министров внутренний дворик и снова начинал ходить. Никаких особых подвохов отец от интервьюеров не ожидал. Журналистов предупредили, что с их помощью Хрущев «хочет улучшить отношения с Соединенными Штатами». Даниэль Шорр от имени телекомпании заверил, что их вопросы преследуют ту же цель.

«Но чем черт не шутит?» – крутилось у отца в голове. Он никак не мог успокоиться. Не выдержав ожидания, он подошел к двери, соединявшей кабинет с залом заседаний, распахнул ее, остановился в проеме и молча уставился на журналистов. Они, в свою очередь, побросав свои кабели, недоуменно глядели на Хрущева. Так продолжалось с полминуты. Затем отец заговорил, постепенно повышая голос: знает де он этих пройдох-журналистов, им одно удовольствие «выискивать блох», высасывать из пальца провокации... Заключительные слова он почти кричал. Дойдя до нужного градуса накала, отец оборвал свою тираду на полуслове, еще раз обвел глазами всех присутствовавших в зале, сделал шаг назад и захлопнул дверь. Присутствовавшие, ошаренные от слов Хрущева, недоуменно молчали.

Я, естественно, в Кремле не присутствовал. О происшедшем спектакле мне рассказал помощник отца по иностранным делам Олег Александрович Трояновский: «После “холодного душа” американские телевизионщики не то что “плохих” вопросов не задавали, спрашивали Никиту Сергеевича с большой опаской», – улыбнулся Трояновский.

Собственно, этого отец и добивался. Он знал, что слывет в мире «взрывным» и даже непредсказуемым политиком. Продуманно с прицелом на будущее, авось когда-то пригодится, он время от времени «запланированно, при подходящих обстоятельствах, взрывался», поддерживая, таким образом, свой образ. К сожалению, иногда он «взрывался» и незапланированно. Эмоциональности отцу было не занимать. Происходившее в стране и в мире он пропускал не только через голову, но и через сердце.

Насколько его «артиллерийская подготовка» была уместна на сей раз? Даниэль Шорр пишет, что вопросы они подготовили заранее и только «хорошие». Он еще отмечает, что отец наотрез отказался от грима, даже не дал припудрить, сияющую под светом софитов лысину. Гриммируются, объяснял американцам отец, актеры, а он – политик.

Интервью прошло хорошо. По мнению Шорра, Хрущев провел его «великолепно, показал себя располагающим и одновременно неуловимым и строгим собеседником». Он кратко ответил на вопросы о Венгрии, о глушении передач «Голоса Америки», а основное время посвятил теме мира и улучшению отношений с Соединенными Штатами.

«Только однажды я загнал его в угол, – пишет Шорр, – спросив о разногласиях с китайцами». Отец, по словам Шорра, долго и нудно пытался объяснить, что между советскими и

китайскими коммунистами нет фундаментальных противоречий. Думаю, что отец так тогда считал на самом деле, но Шорр ему не поверил.

И последнее. Говоря о квинтэссенции телевизионного дебюта Хрущева, Шорр нашел ответы отца «стандартными», «все это Хрущев говорил и раньше, в интервью не оказалось ничего сенсационного. Будучи слишком “внутри” происходившего, – поясняет Шорр, – я упустил главное: сенсацию, огромные газетные заголовки по всему миру сделало само появление Хрущева, живого, здорового и совсем нестрашного в американских домах на экранах телевизоров».

Между ним и Хрущевым, по мнению Шорра, установились «особые» отношения.

«На одном из приемов, – рассказывает дальше Шорр, – Первый секретарь (отец – С. Х.) вытащил меня из толпы, поставил рядом с собой и представил: “Это мой друг Шорр. Он ничего не изменил в моем интервью, провел его корректно и одновременно откровенно”. Тут он поднял свой бокал с шампанским, чокнулся со мной и провозгласил: – За правду!”».

Изложение тоста отца я оставляю на совести Шорра, стиль разговора – не отцовский, но смысл передан правильно.